

совались еще и бесчисленные произведения пластического искусства. Софист *Элий Аристид* около этого времени в своей хвалебной панафинейской речи впадает в льстивые преувеличения, восхваляя красоты современных Афин превыше лучшей их поры в древности: но, впрочем, и *Лукиан* восхищался великолепием и даже населенностью города¹.

Правда, эта светлая картина во II веке особенно выделяется на мрачном фоне всеобщего упадка Греции с ее опустевшими селениями и развалинами знаменитых городов, как их описывает *Павсаний* или оплакивает *Плутарх*. Золотой век того мира, какой человечество переживало при Антонинах, прекратился с *Марком Аврелием*. Властители из варваров, либо честолюбивые солдаты, чуждые музам, захватывают теперь трон цезарей, гражданские войны опустошают государство, а переселение народов с севера и востока уже скатывает первые волны на населенные места Греции, постепенно все более пустеющие. Миновало уж то время, когда благороднейший город подавлял своими чарами и победителей римлян, и азиатских царей. Императоры расширяли и изукрашали тибрскую свою столицу, возводя там все новые дворцы и термы, но могущественное стремление римского мира к единению с эллинским духом уже замерло; охлаждение к филэллинизму являлось провозвестником разрыва Запада и Востока или, другими словами, обособления греческого Востока от римского Запада.

Еще ранее Запада Восток явился ареной для разрушительных инстинктов переселявшихся племен. Первым от них нападением эллинский Восток подвергся во второй половине III века. Со своих обиталищ на Балтийском море готские племена перебравшись в скифскую землю, раскинувшись по северному побережью Понта Эвксинского, где готов видели в эпоху Каракаллы. Отсюда разбойничьи их набеги распространились на область Иллирии, Дуная и Балканов, на Фракию и Македонию, на острова побережья Греции. В 253 году они осадили даже Фессалоники. Печальное положение, в каком очутился этот укрепленный и большой город, сто-